(250); «скоро по малу малу дойде язык мой до зубов моих, и бысть полон и велик, яко от рождения...» (253). Точно так же автор избавляется от нападения муравьев, изгнанных по его просьбе богородицей: они «сами по малу малу вси исчезоша» (238). Чудесные исцеления описываются автором в таких же чертах, как и процесс его постепенного заболевания, реальные причины которого им приводятся: «стало у мене быти в темнице... чадно и пылно... По малу начаша у мене глаза худо глядети...» (256).

Поскольку для автора не существует принципиальной грани между жизнью и смертью, он переносит свои наблюдения над постепенностью жизненных процессов и в изображение оживания и умирания. Евфросин на его глазах «нача... по малу малу оживати и оживе...» (244). А сам автор после казни «начал умирати и три накона умирал, да не умер» (248); кроме того, он «многажды умирал от дыма» (256).

Разработка этих принципов наблюдения и самонаблюдения приводит к образованию двух тесно соприкасающихся групп приемов, которыми пользуется Епифаний при создании своего жизнеописания. Эти приемы мы назовем приемами автобиографизма повествовательного и автобиографизма психологического.

* *
*

В сферу повествовательного автобиографизма Епифания входят приемы изображения его воображаемой внутренней жизни как жизни реальной.

Заботясь об образной реализации видений и чудес, Епифаний стремится показать, что потусторонние существа (бесы, богородица, Христос) предстают перед ним всегда в человеческом облике. Действия этих существ и их взаимоотношения с автором внешне весьма похожи на человеческие. Бесы действуют как «разбойники»: распахивают двери, врываются в келью, хватают, душат и давят автора. Один из них одет в «кафтан» (234). «Разбойничий» облик беса традиционен. Например, в житии Варлаама Важеского бесы приходили «видом убо и образом... разбойничим», они как «лукавии разбойницы... разбойнически творяху».[21] На Даниила Переяславского бесы «разбойнически устремляхуся... и яко убити его хотяху...».[22] Однако Епифаний не ограничивается простым повторением подобной характеристики беса. При ее помощи он символически объединяет своих злейших врагов — беса и «никонианина», сначала закрепляя эту характеристику за образом беса, а затем уже перенося ее на образ человека. Бес в своем облике «злого и лютаго разбойника» (235, 245) и в своих поступках по отношению к автору («вскочил... и ухватил мене», 235, 245) совершенно уравнивается с конкретным врагом — человеком, о котором говорится то же самое: «скоро прискочил к нам голова стрелецкой... Василий Бухвостов, яко злой и лютой разбойник... и ухватили нас» (250).

Бесу присваиваются человеческие состояния и даже переживания. После избиения автором бес «встал на ноги свои, яко пьян..., яко сонный, побрел от кельи прочь» (236). Характерно, что подобные сопоставления применяются обычно в житиях не к бесам, а к недостаточно благочестивым людям. Например, вместо молитвы один священник «начат от сна побеждатис... яко пьян от сна въздрѣжания».[23] «Почто безумнии, яко пияни, мятетеся?», — спрашивал новгородцев Михаил Клопский.[24] В другом

[21] Житие Варлаама Важеского. С предисловием А. Григоровича. М., 1887, стр. 25.
[22] Житие Даниила Переяславского чудотворца. Издание С. И. Смирнова. М., 1908, стр. 26.
[23] Повесть о Евфросине Псковском, стр. 74.
[24] Повесть о Михаиле Клопском, стр. 45.